

МЕДАЛИСТКА

18+

Us Usus

Медалистка

«Автор»

2026

Usus U.

Медалистка / U. Usus — «Автор», 2026

Это рассказ о выборе который меняет жизнь и о том, что шанс есть всегда.

© Usus U., 2026

© Автор, 2026

Us Usus

Медалистка

МЕДАЛИСТКА

Глава 1. Проект «Уникальность»

Июльский Петербург дышал тяжело и влажно, как уставший зверь, который никак не мог найти тень после долгой и изнурительной охоты. Солнце стояло в зените, и его лучи, отражаясь от гранитных набережных, стеклянных витрин и золотых куполов, создавали ослепительный, почти болезненный свет, от которого хотелось щуриться, прятаться в тени старых лип и пить холодную воду маленькими глотками, чтобы утолить жажду, которую не могла утолить никакая вода. Воздух дрожал над нагретым асфальтом, создавая миражи, в которых очертания зданий расплывались и танцевали, как в бреду, и даже привычная северная сдержанность города на время отступала перед натиском короткого, но беспощадного лета. Казалось, сам воздух Петербурга был пропитан историей, литературой, белыми ночами и какой-то особенной, щемящей тоской, которая дарила иллюзию бесконечности и одновременно напоминала о хрупкости всего сущего.

Лика шла по набережной Мойки медленно, почти лениво, не торопясь, позволяя себе впервые в жизни никуда не спешить. Обычно её шаг был чеканным и деловым — от урока к уроку, от репетитора к репетитору, от одной обязательной точки к другой. Её жизнь всегда была расписана по минутам, и любое отклонение от графика казалось преступлением против родительских ожиданий и той невидимой, но ощутимой конструкции, которую они выстроили вокруг неё с самого детства. Она помнила, как в первом классе мать говорила ей: «Время — это деньги, Лика. Не трать его зря». И Лика не тратила. Она училась, занималась, побеждала, подтверждала, доказывала, оправдывала. Но сейчас, в этом городе, на этой набережной, она позволила себе роскошь забыть о времени. Она просто шла, и каждый её шаг был маленьким бунтом против всего, что её учили, против всего, что от неё ждали, против всего, что она сама в себе ненавидела.

На ней было лёгкое льняное платье цвета слоновой кости, с тонкими бретельками и свободным кроем, которое мама купила ей специально для этой поездки — «не слишком вызывающее, но со вкусом», как она сказала, когда они выбирали его в дорогом московском бутике. Лика не возражала. Она давно перестала выбирать одежду, потому что любой её выбор всё равно подвергался мягкой, но настойчивой коррекции. «Эта юбка слишком короткая, дочка». «Этот цвет тебе не идёт, ты выглядишь бледной». «Ты же не хочешь выглядеть вульгарно?». «Этот фасон полнит». «Сделай причёску попроще». И Лика всегда соглашалась, потому что спорить было бесполезно, а бунтовать — страшно. Она помнила, как в десять лет хотела пойти на день рождения к однокласснице в джинсах с бахромой, которые ей ужасно нравились, а мама, посмотрев на неё, сказала: «Ты же не хочешь выглядеть как дворовая девчонка? Ты — моя дочь, Лика. Ты должна выглядеть достойно». И Лика надела юбку. Всегда юбку. Всегда правильную. Всегда чужую.

Но сейчас, в этом городе, на этой набережной, она чувствовала себя почти неузнаваемой. Никто здесь не знал её как «Лику-отличницу», как «золотую девочку», как «гордость школы» или «пример для подражания». Здесь она была просто девушкой в светлом платье, которая шла куда глаза глядят, и это простое обстоятельство казалось ей невероятным, почти чудесным. Она

могла быть кем угодно — студенткой, художницей, туристкой, поэтессой, просто прохожей. Могла делать что угодно — свернуть в любой переулок, зайти в любое кафе, сесть на любую скамейку, говорить с любым незнакомцем. И никто не сказал бы ей «нельзя», никто не спросил бы её «а ты уверена?», никто не напомнил бы ей о её обязанностях и долгах. Эта мысль пьянила её сильнее любого вина, и она наслаждалась этим опьянением, позволяя себе забыть о том, кем она была и кем должна была стать по плану её родителей.

Она остановилась у чугунной ограды Летнего сада, положила ладони на нагретый металл и закрыла глаза. В лицо дул тёплый ветер, пахнувший рекой, цветами и чем-то сладким, неуловимым — возможно, ванилью из уличного кафе за углом, а может быть, самой свободой, которую она так долго искала и которая, как оказалось, всё это время была рядом, просто нужно было сделать шаг навстречу. Тонкие пальцы, привыкшие сжимать ручку, перелистывать учебники, печатать на клавиатуре и заполнять бланки экзаменов, теперь просто лежали на ограде, и Лика чувствовала, как расслабляются мышцы плеч, которые она сама не замечала, как напряжённо сжимались годами. Она вдруг ощутила, как тяжела была эта невидимая ноша — быть идеальной, быть правильной, быть той, кого все одобряют, быть той, кого невозможно упрекнуть в ошибке. Ноша, которую она носила так долго, что она стала частью её, и вот теперь, отпустив её хотя бы на мгновение, она чувствовала себя одновременно и лёгкой, и потерянной.

Она могла бы сейчас быть в другом месте. В престижном московском университете, куда её прочили родители и где её уже ждало место на бюджетном отделении экономического факультета. На подготовительных курсах в Лондоне или Париже, куда уже были отправлены все необходимые документы и где её ждали строгие преподаватели и безупречные рейтинги. За столом с репетитором по английскому, который готовил её к сдаче международного экзамена на высший балл. Везде, где от неё требовали подтверждать свой статус идеальной ученицы, каждый день, каждый час, каждую минуту. Но вместо этого она стояла здесь, на набережной Мойки, слушала, как ветер перебирает листья столетних дубов, растущих в Летнем саду, и чувствовала, как внутри неё прорастает что-то новое, зелёное и упрямое, как трава, пробивающаяся сквозь асфальт. Это чувство было странным и непривычным — будто она наконец-то дышала полной грудью после долгих лет кислородного голодания, будто она просыпалась после долгого, тяжёлого сна.

Ей было семнадцать. Ей было одновременно и слишком много, и слишком мало лет для того, что она собиралась сделать. Слишком много — потому что она уже успела устать от своей правильности, от этой бесконечной гонки за чужим одобрением, от этой жизни, которую она проживала не для себя. Слишком мало — потому что за плечами не было ни одного настоящего опыта, ни одной ошибки, которая научила бы её чему-то важному, ни одного момента, когда она сказала бы «нет» вопреки всему. Она жила в стерильном мире, где всё было предсказуемо и правильно, где ошибки были только в контрольных, а последствия — только в виде оценок. Она не знала, что такое падать и подниматься, что такое рисковать и проигрывать, что такое выбирать себя вопреки всему миру. Она не знала, что такое жить по-настоящему.

Золотая медаль «За особые успехи в учёбе» лежала сейчас в глубине чемодана, завернутая в мягкую фланель, которую мама специально положила, чтобы «не поцарапать драгоценность». Лика не взяла её с собой на прогулку. Она вообще старалась не думать о ней, не смотреть на неё, не вспоминать, где она лежит. Эта блестящая безделушка, которая висела у неё на груди на выпускном и блестела в свете софитов, казалась теперь не наградой, а клеймом, навечно приклеенным к её судьбе. Она символизировала всё, что Лика ненавидела в себе: послушание, предсказуемость, отсутствие права на ошибку, отсутствие права на собственную

жизнь. Каждый раз, когда она вспоминала о медали, в груди поднималась глухая, тягучая тоска — будто она продала душу за кусок золота, который ничего не значил и никогда не будет значить. Она помнила, как учителя говорили ей на выпускном: «Ты — наша гордость, Лика. Ты — лучшее, что у нас было». А она хотела крикнуть им в лицо: «Я не ваша! Я своя! Я ничего вам не должна!» Но она молчала. Всегда молчала.

Шесть лет она выстраивала эту идеальность, как аккуратный карточный домик из тонких, хрупких карт. Каждая пятёрка, полученная с идеальной точностью и настойчивостью, была ещё одним кирпичиком в этом домике. Каждая победа на олимпиаде, каждая похвала учителя, каждая грамота, каждое место в рейтинге — всё это было этажом, украшением, укреплением этой конструкции. Она стала тем, кого хотели видеть в ней другие. Она научилась улыбаться, когда хотелось плакать. Научилась молчать, когда хотелось кричать. Научилась говорить «да», когда внутри всё сжималось от желания сказать «нет». И вот домик был готов, игра закончена, все аплодировали, а внутри — зияющая, пугающая пустота, которая росла с каждым днём, с каждым годом, с каждой новой похвалой. Никто не спрашивал, чего хочет сама Лика. И она сама уже не знала ответа на этот вопрос. Она была пустой. Идеально пустой. И это было самое страшное.

Она открыла глаза и посмотрела на город.

Петербург был прекрасен в своей надменной, аристократической, немного холодной красоте. Золотые купола Исаакиевского собора сияли в лучах полуденного солнца, строгие линии Адмиралтейства уходили вдаль, бесконечная гладь Невы переливалась серебром и синью, отражая облака, которые медленно плыли по высокому небу. Всё здесь было величественно, строго, правильно и немного отстранённо. Город-музей, город-академия, город-памятник, где каждый камень помнит императоров и революции, где искусство и смерть всегда идут рука об руку, где даже воздух пропитан историей, которая давит и вдохновляет одновременно. Здесь каждый уголок дышал литературой, каждый мост помнил шаги великих поэтов, каждая улица хранила тайны прошлых веков. И этот город, казалось, говорил Лике: «Ты можешь стать кем угодно. Но ты должна выбрать сама. Ты не можешь прожить чужую жизнь».

Именно в таком городе и надо было начинать бунт. Не в шумной, суетливой Москве с её бесконечными пробками, стеклянными небоскрёбами и безликими торговыми центрами. Не на тёплом море, где заботы тают в солёной воде и забываются за коктейлем на пляже. А здесь — в этом холодном, интеллектуальном, немного безумном городе, где Достоевский писал о преступлениях и наказаниях, где Блок сходил с ума от красоты Незнакомки, где Ахматова писала стихи о смерти и бессмертии, где Мандельштам бродил по набережным и проклинал этот город за его красоту. Здесь бунт приобретал особый смысл. Здесь он становился искусством. И Лика чувствовала, что если она не сделает что-то безумное именно здесь, в этом городе, на этой набережной, в это лето, то никогда не сделает нигде и никогда.

Лика двинулась дальше. Она решила идти без карты, без навигатора, без какого-либо плана, просто повинаясь интуиции и лёгкому ветру, который дул ей в спину. Это было непривычно — её всегда учили планировать, просчитывать шаги, знать наперёд, что будет через час, день, год, десять лет. А сейчас она позволяла себе роскошь заблудиться. Найти что-то, чего не искала. Увидеть то, чего не планировала видеть. Позволить городу вести её, а не наоборот. И в этом была её маленькая, первая победа — победа над страхом неизвестности, над желанием контролировать всё вокруг, над привычкой быть идеальной даже в мелочах.

За спиной у неё висел лёгкий рюкзак из натуральной кожи тёмно-коричневого цвета — подарок отца на выпускной, с множеством карманов и аккуратной строчкой. Внутри лежала бутылка минеральной воды, книга Ахматовой с закладкой на «Реквиеме», маленький блокнот в тёмно-синей обложке и пара шоколадок на случай, если она проголодается. На первой странице этого блокнота она уже написала одно слово — ещё на вокзале в Москве, когда поезд тронулся и город за окном начал медленно уплывать, оставляя позади привычную жизнь. Она написала это слово крупными, чуть дрожащими от волнения буквами, и теперь, открывая блокнот, видела его каждый раз, когда хотела записать что-то новое.

«Начать».

Что именно начать — она ещё не знала. В её голове роились смутные, неопределённые планы: татуировка на запястье — изящная линия или маленький цветок, который можно будет прятать под часами или браслетом; пирсинг в носу или брови; резкая смена имиджа — короткая стрижка, дерзкий цвет волос, необычный макияж. Что-то, что можно было бы показать друзьям с гордостью, а потом, если она передумает, залечить или закрасить. Она думала об этом как о временном, безопасном бунте — лёгкой шалости, которая добавит перчинки её портрету «хорошей девочки», но не разрушит его окончательно. В её планах скромно значились пара стильных татуировок и, возможно, аккуратный пирсинг. Она думала, что это будет смело. Она ошибалась.

«Обычную маленькую татуировку на запястье может сделать любая трусиха», — вдруг подумала она, и эта мысль удивила её своей резкостью, почти жестокостью. Она пришла откуда-то из глубины, оттуда, где жила настоящая она — та, которую она никогда не выпускала наружу, та, которую она прятала за маской послушной дочери. Та, которая не боялась, которая хотела большего, которая была готова рискнуть всем ради одного мгновения настоящей жизни. Та Лика, которая кричала внутри неё все эти годы, которую она затыкала, успокаивала, убеждала, что всему своё время. И теперь этот голос становился громче, настойчивее, почти невыносимым.

Она вышла на Итальянскую улицу, и город вокруг неё изменился. Здесь было больше жизни, больше человеческого тепла, больше суеты и одновременно больше уюта. Маленькие кафе с уличными столиками, где люди пили кофе, читали газеты, смеялись, спорили о политике и искусстве. Антикварные лавки с пыльными витринами, в которых поблёскивали старые украшения, фарфоровые статуэтки и книги в кожаных переплётах. Арт-галереи, спрятанные в арках старых домов, с яркими афишами и приглашениями на открытия. Воздух пах свежесваренным эспрессо, жареным миндалём из уличных лотков, выпечкой из соседней пекарни и чем-то ещё, неуловимым, что создавало ощущение настоящей, живой, кипящей жизни. Смех, обрывки разговоров на русском, английском, французском и немецком языках, звон посуды, звуки уличной музыки — всё это создавало симфонию, которой Лика никогда не знала.

Она шла по этой улице, и чем дальше она шла, тем острее чувствовала себя чужой. Слишком правильной, слишком чистой, слишком гладкой для этого места, где каждый прохожий выглядел так, будто у него есть тайна, будто он живёт настоящей, а не выдуманной жизнью. Она была как белый лист бумаги посреди исписанной страницы — чистым, но пустым. И эта пустота начинала тяготить её, давить на неё, вызывать почти физическую боль. Она хотела стать исписанной страницей. Хотела, чтобы по ней читали историю. Хотела быть интересной. Настоящей. Хотела, чтобы у неё тоже была тайна.

И тут она увидела это.

На углу, у входа в старый, но явно недавно отремонтированный дом с красивой лепниной на фасаде, висела чёрная вывеска. Лаконичная, стильная, почти вызывающая в своей простоте, с единственным словом: «S. K. Ink». Буквы были выполнены в сложном каллиграфическом шрифте, который напоминал одновременно и древние руны, и современный граффити, и татуировочные эскизы. Под вывеской — большая витрина, за которой не было видно ничего, кроме плотных чёрных штор, скрывающих внутреннее пространство салона от любопытных глаз. Эта вывеска была как приглашение в другой мир — мир, где правили другие законы, где люди не боялись быть собой, где тело было холстом, а не просто телом.

Но не вывеска привлекла внимание Лики. Над дверью, на ярком, почти вызывающем баннере, который был виден за несколько кварталов, красовался плакат. На нём была изображена девушка. Её тело, полностью покрытое плотным татуировочным орнаментом, казалось живой скульптурой, вырезанной из камня или дерева. Сложные линии, переплетаясь, создавали единый узор, который поднимался от самых стоп до макушки, не оставляя ни одного свободного миллиметра кожи. Лицо девушки скрывала маска — индийская, с геометрическими узорами, тёмная, почти чёрная, с вкраплениями киновари и синевы. Из головы торчали изящные, почти органичные рожки, напоминающие ветви молодого дерева или антенны, улавливающие какие-то неведомые сигналы. А глаза — они были абсолютно чёрными. Без белков, без радужки, без зрачков — только бесконечная, поглощающая свет темнота, в которой терялся даже отблеск лампы, освещавшей плакат. И в этой темноте читалась такая сила, такая уверенность, такая абсолютная непоколебимость, что у Лики перехватило дыхание.

Под изображением крупными, жирными буквами, которые невозможно было не заметить, было написано:

«ИЩЕМ МОДЕЛЬ ДЛЯ МАСШТАБНОГО ПРОЕКТА.
ТАТУ-КОСТЮМ, БОДИМОДИФИКАЦИЯ, ТАТУАЖ СКЛЕР.
ГОНОРАР ПОБЕДИТЕЛЯ — 200 000 \$».

Лица застыла.

Сердце пропустило один удар, потом второй, а затем заколотилось где-то в горле — гулко, часто, почти болезненно, отдаваясь в висках и кончиках пальцев. Она смотрела на плакат и не могла оторвать взгляд, не могла моргнуть, не могла сделать вдох. Девушка с изображения казалась ей существом из другого мира — инопланетянкой, древним божеством, ожившим мифом, сошедшим со страниц индийских эпосов или тибетских манускриптов. Она была монстром и богиней одновременно, пугающей и прекрасной в своей абсолютной, безжалостной уверенности. Лица смотрела на неё и чувствовала, как внутри поднимается что-то, чему она не могла дать названия — смесь зависти, восхищения, острого, почти болезненного желания стать такой же и глухого, животного страха перед тем, что это значит.

В чёрных глазах девушки на плакате не было ни боли, ни страха, ни сомнения, ни колебания. Только абсолютная, оглушительная уверенность в том, что она сделала правильный выбор. Что её тело — это холст, а она сама — художник и произведение в одном лице. Что она не спрашивала разрешения быть собой, не просила одобрения, не ждала, пока кто-то скажет ей, что она красивая. Она просто была. И эта мысль пронзила Лику как молния, как удар тока, как внезапное прозрение, от которого перехватывает дыхание.

Лика смотрела на этот образ, и где-то глубоко внутри неё что-то щёлкало, как замок, который наконец открыли правильным ключом после долгих лет поисков. Эта девушка не спрашивала разрешения быть собой. Она просто была. И это было самой дерзкой, самой радикальной, самой бескомпромиссной формой свободы, которую Лика когда-либо видела. Она вдруг поняла, что всю жизнь искала именно это — не просто свободу, а право быть собой без оправданий, без извинений, без страха перед чужим мнением.

Это была красота-вызов. Красота-выстрел. Красота, которая не просила одобрения, а требовала внимания, которая не боялась быть уродливой в глазах других, потому что знала свою истинную цену. И Лика вдруг поняла, что хочет именно этого. Не маленького тату на запястье, которое можно спрятать под часами и о котором можно забыть через месяц. Не пирсинга, который заживёт через неделю и оставит после себя только маленькую точку. А чего-то тотального. Чего-то, что не оставит ей пути назад. Чего-то, что сделает её неузнаваемой для всех — и для самой себя в первую очередь. Она хотела стать той девушкой на плакате. Или даже больше.

Она перевела дыхание, глубоко и шумно, как будто вынырнула из воды после долгого погружения, и заставила себя сделать шаг в сторону. Нет, это безумие. Она приехала сюда за маленьким, аккуратным бунтом, а не за тем, чтобы превратиться в живое произведение искусства, которое будет пугать людей на улицах. Она не сумасшедшая. Она просто уставшая. Просто запутанная. Просто девочка, которая хочет немного свободы, а не полного уничтожения своей личности. Ей нужен был воздух, а не клетка. И этот плакат — это клетка. Только красивая. Только добровольная. Только навсегда. Она пыталась убедить себя в этом, повторяя эти слова как мантру, но внутри уже зрело другое решение, которое росло и крепло с каждым ударом сердца.

Она сделала ещё три шага в сторону, потом остановилась, развернулась и подошла к витрине снова. Потом опять отошла. Потом снова вернулась. Несколько прохожих, спешивших по своим делам, покосились на неё с лёгким любопытством, но никто не остановился. Кто обращает внимание на девочку, которая не может решиться, войти ей или нет в обычный тату-салон? Но Лика чувствовала, что это не обычный салон. И она — не обычная девочка. Не больше. Не после того, как увидела этот плакат.

Она стояла, сжимая в руках лямку рюкзака так сильно, что костяшки пальцев побелели. Зачем она здесь? Что она ищет? Ответ пришёл не сразу, но когда пришёл, она удивилась его простоте и очевидности. Она ищет себя. Ту, которую никогда не знала. Ту, которая не боится. Ту, которая может выбрать что-то по-настоящему своё, даже если это страшно. Даже если это уничтожит всё, что было раньше. Она ищет ту Лику, которая живёт внутри неё и кричит, чтобы её выпустили на свободу.

Она вспомнила все свои прошлые попытки бунта. Как в пятнадцать лет она выкрасила прядь волос в ярко-розовый цвет, потратив на это все свои карманные деньги, а мама, увидев, заплакала и сказала: «Ты испортила свои волосы, Лика. Зачем ты это сделала?» — и Лика на следующее утро смыла краску, чувствуя себя виноватой и униженной. Как в шестнадцать она купила маленькую серебряную серьгу в нос, спрятала её в шкатулке и так и не решилась надеть, потому что отец, увидев коробочку, сказал: «В нашем доме этого не будет. Ты же не хочешь выглядеть как... ну ты понимаешь». Как она хотела уйти из школы за месяц до выпускного, чтобы не выходить на сцену и не получать эту проклятую медаль, но не посмела, потому что

«это всё испортит, это подведёт учителей, это разрушит репутацию». Как она хотела сказать «нет» на выпускном, когда директор вручал ей медаль и все аплодировали, но вместо этого улыбнулась и сказала «спасибо». Каждый раз она отступала. Каждый раз она выбирала безопасность, одобрение, правильность. И каждый раз ненавидела себя за это, чувствуя, как часть её умирает.

И вот она здесь. Одна. Свободная. И никто не скажет ей «нельзя».

Она толкнула дверь.

Дверь поддалась легко, почти бесшумно, как будто её ждали, как будто она была открыта специально для неё. Лика шагнула внутрь и на мгновение зажмурилась от резкого перехода — с ослепительной солнечной улицы, залитой светом и жарой, в прохладный, полумрачный интерьер салона, где царила совсем другая атмосфера. Воздух здесь был другим — стерильным, чуть горьковатым, с отчётливым запахом антисептика и едва уловимым сладковатым ароматом трансферной бумаги, который Лика почему-то сразу узнала, хотя никогда раньше не была в тату-салонах. Запах был резким, но не неприятным — он пах чистотой, порядком, стерильностью и какой-то особенной, сосредоточенной энергией, как операционная перед сложной операцией.

Она открыла глаза и огляделась. Внутри было чисто и светло, но свет был не ярким, а мягким, рассеянным, исходящим от множества маленьких ламп, вмонтированных в потолок и создающих ровное, бестеневое освещение. Пол был выложен крупной чёрно-белой плиткой в шахматном порядке, и этот рисунок создавал иллюзию бесконечности — казалось, что пол уходит куда-то вглубь, в перспективу, и если идти по нему, то можно попасть в другое измерение. Стены, окрашенные в глубокий, тёмно-серый цвет, были украшены эскизами в строгих чёрных рамках, расположенными на равном расстоянии друг от друга, как в художественной галерее. Лика машинально отметила, что рисунки были безупречны: линии чёткие, цвета насыщенные, композиции сложные и продуманные до мельчайших деталей. Здесь не было «просто тату». Здесь было искусство. Каждый эскиз был маленьким шедевром, каждая работа — результатом долгого труда, вдохновения и безупречного вкуса.

В центре зала стояла стойка регистрации — массивный стол из тёмного дерева, с резными ножками и столешницей, отполированной до зеркального блеска. За ним, за большим монитором, на котором, вероятно, отображались записи и эскизы, сидел молодой человек. Лика заметила его не сразу — он был слишком спокоен, слишком неподвижен, почти сливался с интерьером, как часть декора. Но когда он поднял глаза, она встретила с ним взглядом, и в этом взгляде не было ни удивления, ни осуждения, ни любопытства — только вежливое, профессиональное внимание, которое не давило и не смущало. Его глаза были тёплыми, карими, с лёгкими лучиками морщин в уголках, и это немного успокоило Лику, ослабило её напряжение.

Ему было около двадцати пяти лет. Коротко стриженные тёмные волосы, тонкая, изящная татуировка, опоясывающая шею и уходящая под ворот белой рубашки, которая была идеально выглажена и сидела на нём как вторая кожа. Проколотая бровь с маленьким серебряным колечком, которое поблёскивало в мягком свете ламп. Он был красив той спокойной, уверенной красотой, которая не требует доказательств, не нуждается в комплиментах, не ищет подтверждения. И когда он улыбнулся — открыто, дружелюбно, без тени снисхождения или пре-

восходства, — Лика почувствовала, как её страх немного отступает, отодвигается на второй план, уступая место любопытству. Эта улыбка была как приглашение — не навязчивое, но тёплое, как рука, протянутая в темноте.

На стойке регистрации она робко спросила о деталях объявления, и её голос прозвучал неуверенно, почти шёпотом, сорвался на середине фразы. Она чувствовала себя неловко, как вор, зашедший в чужой дом: девочка в светлом платье, с идеальной причёской, без единой татуировки, заходит в салон, где пахнет иглами и краской, и спрашивает о чём-то, что явно не для неё. Что она здесь забыла? Но администратор, казалось, не замечал её неловкости, её смущения, её страха. Он просто улыбнулся шире и сказал: «Пройдёмте, я покажу вас Кире. Она хозяйка салона и автор проекта. Она с вами поговорит». И Лика, сама не понимая как, кивнула и пошла за ним.

Он провёл её по узкому коридору, стены которого были полностью увешаны фотографиями в чёрных рамках — от пола до потолка, без единого свободного места. Лика шла медленно, рассматривая снимки, и чувствовала, как внутри неё что-то меняется, перестраивается, открывается. На фотографиях были люди до и после татуировок. Мужчины и женщины, молодые и старые, с разными лицами, разными телами, разными историями. Но было в них что-то общее — в их глазах после преображения. Взгляд, который Лика не могла описать словами, но который чувствовала всем своим существом. Уверенность? Свобода? Освобождение? Или просто осознание того, что они наконец-то сделали что-то для себя, а не для других, не по принуждению, не из страха? Она видела, как менялись лица, как распрямлялись плечи, как менялась сама энергетика людей. Они становились другими — более цельными, более настоящими, более живыми.

Она видела эскизы и готовые работы — портреты и абстракции, цветы и геометрию, реалистичных животных и фантастических существ, сложные композиции и минималистичные линии. Каждая татуировка была маленьким миром, историей, застывшей на коже, рассказом о человеке, который её носил. И Лика вдруг поняла, что эти люди не просто украшали свои тела. Они рассказывали о себе то, что не могли сказать словами, что боялись произнести вслух. Они превращали свою кожу в книгу, и каждая страница этой книги была написана навсегда. Это было больше, чем искусство. Это была жизнь. Настоящая, честная, без компромиссов.

Администратор привёл её в просторный зал, который был, вероятно, главным рабочим помещением салона. В центре стояло огромное кожаное кресло, похожее на стоматологическое, но более широкое и удобное, с мягкими подлокотниками и анатомическим подголовником. Рядом — столик на колёсиках, заставленный баночками с разноцветной краской, стерильными иглами в индивидуальных упаковках, салфетками, ватными дисками, бахилами и прочими принадлежностями. В углу — большое зеркало в полный рост в чёрной деревянной раме, в котором отражалась вся комната. И у этого зеркала стояла она.

Кира.

Лика увидела её и на мгновение замерла, как будто наткнулась на невидимую стену. Кира была статной, уверенной в себе, как статуя, вырезанная из слоновой кости, как царица, стоящая на пьедестале. Ей было около сорока лет, но выглядела она максимум на тридцать — гладкая, сияющая кожа без единой морщины, точёные скулы, яркие, почти цыганские глаза, в которых горел холодный, цепкий, изучающий огонь. Её руки были покрыты плотным татуировочным орнаментом — сложным, переплетающимся узором, который поднимался от запястий до

самых плеч и дальше, скрываясь под воротом чёрной майки, облегающей её стройную фигуру. Волосы, собранные в тугий пучок на затылке, открывали высокий лоб и тонкую шею, на которой тоже была татуировка — изящная, почти невесомая, как паутинка, как кружево. Она была как произведение искусства, которое само создаёт произведения искусства, как живой шедевр, который вдохновляет других на создание собственных шедевров.

В правой руке Кира держала тату-машинку, которая на секунду замерла, когда Лика вошла. Свет от лампы падал на её лицо, создавая резкие, драматические тени, и от этого она казалась ещё более величественной, почти недостижимой, как богиня, сошедшая с небес. Она посмотрела на Лику, и в этом взгляде было что-то, что заставило Лику почувствовать себя одновременно и ничтожной, и важной — как холст перед художником, как глина перед скульптором.

Кира медленно оглядела Лику с ног до головы, словно оценивая чистый, еще не тронутый холст, словно сканируя её взглядом. Её взгляд прошёлся по ней не спеша, оценивающе, как взгляд хирурга перед сложной операцией или скульптора, разглядывающего белый, ещё не тронутый мрамор, ища в нём скрытые формы. Под этим взглядом её «правильность», её «идеальность», её «чистота» казались чем-то неважным, вторичным, почти смешным. Кира смотрела на неё как на материал. Как на холст, который ждал своего художника. И в этом взгляде не было снисхождения, не было жалости, не было осуждения — только профессиональная оценка, холодная, точная, безжалостная и одновременно вдохновляющая.

— Хочешь узнать детали? — усмехнулась Кира, опершись на рабочий стол и скрестив руки на груди. Её голос звучал ровно, спокойно, но в нём чувствовалась хищная, почти кошачья уверенность, которая не оставляла сомнений в том, что она знает, о чём говорит. — Это не просто пара тату, девочка. Это полный тату-костюм, который не оставит на твоём теле ни единого миллиметра чистой кожи. Ни одного. Живот, спина, руки, ноги, шея, уши, голова и лицо — всё уйдёт под краску. Плюс татуаж склер — твои белки глаз станут абсолютно черными. Зрение при этом не пострадает, пигмент не затрагивает роговицу и хрусталик. Финальный штрих — бодимодификация: титановые шурупы прямо в череп, на которые закручиваются небольшие рожки. Мы готовим шедевр для международной тату-конвенции в Берлине. Призовой фонд и твой гонорар за победу — двести тысяч долларов. Ну как?

У Лики перехватило дыхание. В ушах зашумело, сердце пропустило удар, а затем забило где-то в горле, гулко и часто, отдаваясь в висках. Слова Киры врезались в сознание, как пули, каждая из которых оставляла после себя глубокую, кровоточащую рану. Она почувствовала, как по спине пробегает холодок, как руки становятся влажными, как ноги начинают дрожать. Это было не просто тату. Это было полное, тотальное, безвозвратное уничтожение её прежнего «я». Она представила себя — покрытую краской с головы до пят, с чёрными глазами, с рожками на черепе, неузнаваемую для всех, кто знал её раньше. Это был не просто бунт. Это была полная трансформация. Это была смерть и воскрешение в одном флаконе. И она вдруг поняла, что Кира предлагает ей не просто изменить внешность — она предлагает ей стать кем-то совсем другим, стать новой версией себя, которую никто не сможет узнать.

— Простите... — испуганно выдохнула она, сделала шаг назад, потом ещё один, попятилась к выходу, чувствуя, как ноги не слушаются, и буквально выскочила из салона на залитую солнцем улицу.

Она бежала, не разбирая дороги, не глядя по сторонам, не замечая ни людей, ни машин, ни собак, пока не оказалась на набережной. Сердце колотилось, дыхание сбилось, в груди жгло, а в голове всё ещё звучали слова Киры, повторяясь как заевшая пластинка. «Полный костюм. Чёрные глаза. Рожки». Лика остановилась, оперлась руками на гранитный парапет, чувствуя, как холодный камень обжигает ладони, и посмотрела на воду. Невская гладь спокойно отражала летнее небо, и Лика смотрела на это отражение, пытаясь успокоиться, пытаясь вернуть дыхание в норму, пытаясь выкинуть из головы эти слова. Но успокоиться не получалось. Вместо неба она видела чёрные глаза. Вместо облаков — индийскую маску. Вместо своей улыбки — угольно-чёрные губы.

До самого вечера она мерила шагами набережные Невы, не замечая ничего вокруг. Она прошла мимо Зимнего дворца, где когда-то жили императоры, мимо Медного всадника, который скакал навстречу ветру, мимо Смольного собора, который сиял в лучах заходящего солнца, — и не видела ничего. В её голове набатом стучали слова Киры. Полный костюм. Черные глаза. Рожки. Это был не просто бунт — это было тотальное, беспощадное уничтожение её прежнего «я». Но чем дольше она думала об этом, тем сильнее разгорался внутренний пожар, тем ярче горел огонь внутри неё. Ей хотелось стать уникальной. Неповторимой. Единственной в своём роде. Для семнадцатилетней девочки, которая всю жизнь жила по чужим правилам, по чужим ожиданиям, по чужим сценариям, это казалось высшей точкой свободы. Да, это вызов обществу, родителям, всему миру, всем, кто когда-либо говорил ей, что она должна быть «хорошей девочкой». Но ведь она именно за этим и уехала! Обычную маленькую татуировку на запястье может сделать любая трусиха. А стать живым произведением искусства — единичный шанс. Шанс, который выпадает раз в жизни, и если его упустить, то никогда не простишь себе.

Она думала о родителях, о том, как они отреагируют, когда увидят её новое лицо. Отец, который всегда гордился её «правильностью», её успехами, её идеальной репутацией, не поймёт. Он будет в ярости, он будет кричать, он будет требовать, чтобы она всё исправила, «смыла это безобразие». Мать, которая всю жизнь пыталась сделать из неё копию себя, которая видела в ней своё продолжение и своё оправдание, не простит. Она будет плакать, она будет умолять, она будет говорить, что Лика «испортила свою жизнь». Но чем больше Лика думала об этом, тем яснее понимала: она не обязана жить их жизнью. Она не обязана быть их проекцией. Она имеет право на свою. Даже если эта жизнь будет страшной, даже если она будет неправильной, даже если она будет ошибкой — это будет её ошибка. И она готова за неё заплатить. Она вспоминала, как мать говорила ей: «Ты — моя гордость, Лика. Ты — всё, что у меня есть». А она хотела ответить: «Я хочу быть твоей радостью, а не гордостью. Я хочу быть собой, а не твоей копией». Но так и не сказала. Молчала. Всегда молчала.

Она думала о том, что скажут бывшие одноклассники, как будут шёпотом обсуждать её за спиной, показывать пальцами, делать фотографии без её ведома. Но она знала, что эти люди никогда не были ей близки, никогда не были ей друзьями. Они знали только её маску, только её роль, только ту Лику, которую она играла для них. Теперь маска станет реальностью, и это будет честнее. Она думала о том, что больше никогда не сможет спрятаться, слиться с толпой, быть незаметной. Что всегда будет на виду, всегда будет под прицелом чужих глаз. Что всегда будет вызывать реакцию — страх, ужас, восхищение, отвращение, любопытство. И это пугало её до дрожи в коленях, до озноба, до тошноты. Но внутри был ещё и восторг.

Она думала о том, что будет через год, через пять, через десять лет. И каждый раз её пугала одна и та же мысль: она не знает ответа. Она понятия не имела, кем станет, где будет жить, с кем будет рядом, как будет выглядеть. Но она знала, что если не сделает это сейчас,

то никогда не сделает. И будет жалеть об этом всю жизнь, глядя на своё скучное, правильное, предсказуемое отражение в зеркале. Она представила себя через десять лет — замужнюю за правильного человека, с детьми в правильной школе, с идеальной работой в правильной компании, с идеальной жизнью в правильном доме. И внутри неё всё сжалось от ужаса, от отчуждения, от чувства полной безысходности. Она не хотела эту жизнь. Она хотела другую. Свою. Настоящую.

Когда сумерки опустились на город, когда фонари начали зажигаться один за другим, разливая мягкий жёлтый свет по тротуарам, а небо над Петербургом окрасилось в глубокий, бархатный синий цвет, Лика робко вернулась в салон. Она шла медленно, как на казнь, как на эшафот, но внутри неё уже не было сомнений. Она знала, что должна это сделать. Знала, что это единственный способ сбросить с себя цепи, которые она носила всю жизнь.

Кира, словно зная, что девушка придет, сидела в кресле с планшетом в руках, небрежно перелистывая эскизы. Она подняла глаза на вошедшую, и на её губах появилась понимающая, почти победная улыбка. Она не удивилась, не спросила, почему Лика вернулась, не сказала «я же говорила». Она просто молча развернула на планшете готовый эскиз и протянула его девушке.

У Лики по коже пробежали мурашки — сотни, тысячи мурашек, которые покрыли всё её тело от макушки до пят. Костюм в стиле плотного орнамента поднимался от самых стоп до подбородка, обвивая каждую линию тела, каждый изгиб, каждую точку. Лицо превращалось в сложную индийскую маску в темных, но невероятно красочных тонах — чёрный, киноварный, синий, золотой. На этом лице не предполагалось даже нарисованных бровей — только безупречные симметричные узоры, которые шли от висков к скулам, от лба к подбородку. Веки и губы должны были стать угольно-черными, поглощающими свет. Кожа головы и уши продолжали беспросветный рисунок маски, плавно перетекая в плотный черный орнамент на шее. На фоне этой величественной, пугающей, гипнотической маски полностью черные глаза казались единственным логическим решением. Единственно возможным завершением этого образа. Это был не просто рисунок. Это была судьба.

Лика смотрела на эскиз и чувствовала, как внутри неё всё переворачивается, как всё, что она знала о себе, начинает рушиться. Это была красота, которую она не могла описать словами. Пугающая, нечеловеческая, почти оскорбительная для обычного глаза — но красота. Она видела в этом рисунке что-то, что отзывалось в ней самой: желание быть больше, чем просто «хорошая девочка», желание вырваться за пределы, стать кем-то, кого невозможно будет вернуть в рамки, определить, ограничить, оценить. Стать той, кто сама выбирает свою судьбу. И она поняла, что уже не может отказаться. Что если она откажется сейчас, то никогда не простит себе этого.

Она тяжело сглотнула, чувствуя, как пересохло горло. Сердце колотилось где-то в горле, но отступать она больше не собиралась. Она смотрела на Киру и чувствовала, как внутри неё крепнет решимость, как страх отступает перед чем-то большим.

— Давайте... давайте сразу сделаем глаза, — её голос слегка дрожал, срывался на шёпот, но взгляд был твердым, непоколебимым. Она говорила это, и каждая секунда казалась ей вечностью. — Чтобы у меня не было шанса остановиться или передумать. А потом сразу голову, лицо и шею. Но у меня условие: я хочу увидеть результат в зеркале только тогда, когда всё будет

полностью закончено. Никаких промежуточных взглядов. Я хочу увидеть себя новой только в самом конце.

Кира хищно улыбнулась, и в этой улыбке было что-то первобытное, древнее, как у богини, принимающей жертву. В её глазах зажглось уважение — она поняла, что перед ней не просто капризная девочка, не просто туристка, ищущая острых ощущений, а человек, готовый идти до конца. Человек, который не боится принимать решения. Человек, который готов заплатить любую цену за свою мечту.

— Договорились, — сказала Кира. — Добро пожаловать в проект, Лика. Добро пожаловать в свою новую жизнь.

Глава 2. Рождение новой сущности

Прохладный воздух студии, казалось, сгустился вокруг Лики, обволакивая её плотной, почти осязаемой тишиной, которая давила на уши и заставляла сердце биться ещё быстрее. Слова Киры всё ещё звучали в ушах, эхом отражаясь от стен и возвращаясь к ней с новой силой, но Лика уже не слышала их — она слышала только собственное сердце, которое колотилось где-то в горле, заглушая все остальные звуки, все мысли, все сомнения. Она сделала выбор. Она сказала «да». И теперь, когда решение было принято, внутри неё поселилось странное, щемящее спокойствие — как перед прыжком в воду с высокой скалы, когда ты уже знаешь, что обратного пути нет, что ты уже в воздухе, и остаётся только лететь вниз, чувствуя, как ветер свистит в ушах. В этот момент Лика вдруг поняла, что именно так и чувствуют себя люди, которые наконец перестали сомневаться. Это было освобождение. Она больше не должна ничего решать. Всё уже решено. Все сомнения, все страхи, все «а что если» остались где-то там, за дверью салона, на солнечной улице, в её прошлой жизни.

Кира поднялась с вращающегося стула, на котором сидела, разглядывая Лику, и направилась к высокому металлическому шкафу, стоящему в углу зала. Её движения были плавными, почти танцевальными — так двигаются люди, которые точно знают, что делают, и делают это много лет, доведя каждое движение до автоматизма, до совершенства. Она открыла дверцу шкафа, и Лика увидела внутри ряды стерильных упаковок, медицинских инструментов, баночек с краской, расположенных в идеальном порядке, как в аптеке или операционной. Всё было на своих местах, всё было подготовлено заранее, всё ждало своего часа. Кира взяла несколько упаковок, проверила сроки годности, удовлетворённо кивнула и положила их на стерильный столик рядом с креслом. Её руки двигались быстро и уверенно, без лишних движений, без колебаний.

Процесс начался без промедления. Кира жестом пригласила Лику в кресло, и девушка, чувствуя, как ноги дрожат и плохо слушаются, медленно опустилась в глубокое кожаное сиденье. Кожа кресла была прохладной и гладкой, и этот холодок прошёл по её спине, заставляя её выпрямиться. Кресло оказалось неожиданно удобным, почти мягким, с анатомическими изгибами, которые поддерживали спину и голову. Лика на мгновение расслабилась, позволив себе закрыть глаза и сделать глубокий вдох, но тут же снова напряглась, когда Кира подошла к ней с машинкой для стрижки. Звук включённого аппарата разнёсся по комнате, низкий и вибрирующий, и Лика вздрогнула, хотя была готова к этому.

Первым делом Кира включила машинку для стрижки. Звук работающего лезвия показался Лике оглушительным в тишине студии, хотя на самом деле он был не громче обычного жужжания электробритвы. Это был низкий, вибрирующий гул, который, казалось, проникал не только в уши, но и в самую душу, в самое сердце, заставляя всё тело вибрировать в такт. Она не видела, что происходит у неё за спиной, но чувствовала, как волосы, которые она отращивала почти восемь лет, с гордостью и заботой, мягкими, тяжёлыми прядями падают на пол и касаются её обнажённых плеч, щекоча кожу. Густые, ухоженные, блестящие волосы отличницы, которыми она так гордилась и которые так часто хвалили, мягкими прядями посыпались на пол, обнажая ровную округлость черепа, которую она никогда раньше не видела. Это было странное ощущение — одновременно лёгкое и тяжёлое, освобождающее и пугающее. Она теряла что-то, что считала частью себя, своей идентичности, своей женственности. Но она и не хотела больше быть этой частью. Она хотела избавиться от всего, что связывало её с прошлой жизнью, с прошлой личностью, с прошлой Ликой. Каждая упавшая прядь была прощанием с той девочкой, которая боялась, которая подчинялась, которая жила для других.

— Не жалея, — сказала Кира, будто читая её мысли, будто видела, что происходит в душе Лики. Она говорила спокойно, ровно, но в её голосе чувствовалась уверенность человека, который видел это сотни раз, который знал, что чувствует его клиент в этот момент. — Волосы отрастут. Это всего лишь кератин, девочка. А то, что ты получишь взамен, останется с тобой навсегда. Это будет частью тебя. Ты будешь смотреть в зеркало и видеть не просто девушку с татуировками. Ты будешь видеть богиню. Ты будешь видеть себя настоящую.

Лика не ответила. Она не могла ответить. Она просто сидела и слушала, как жужжит машинка, и чувствовала, как её голова становится лёгкой и пустой, как уходит тяжесть, которую она носила на себе все эти годы. Она больше не чувствовала веса волос, и это было освобождающе, как будто с её плеч сняли невидимый груз. Она провела рукой по гладкой голове, чувствуя пальцами теплую, бархатистую кожу, которая никогда раньше не была такой открытой. И улыбнулась. Это была странная улыбка — на её лице она выглядела почти сумасшедшей, почти безумной. Но это была её улыбка. Настоящая. Первая настоящая улыбка за долгие годы.

Следом мастер взяла аппарат для электроэпиляции. Лика знала, что будет дальше. Брови. Те самые аккуратные, ухоженные, идеально выщипанные брови, которыми она так гордилась и которые так часто хвалили одноклассницы, подруги, учителя, даже незнакомые люди на улице. Кира приложила аппарат к её лицу, и Лика почувствовала короткое, почти безболезненное тепло — и бровей больше не было. Гладкая, чистая, пустая кожа на месте, где раньше были тёмные, изогнутые линии. На будущем лице-маске они были абсолютно лишними, они бы нарушали гармонию рисунка, и Кира безжалостно удалила их, как лишние детали на картине. Лика провела пальцем по гладкой коже над глазами — там, где раньше были брови, теперь была пустота, чистота, готовность к новому. И эта пустота казалась ей правильной, естественной, такой, какой и должна быть.

Очистив кожу, подготовив её к долгой и сложной работе, Кира потянулась к медицинскому шприцу со специальным черным пигментом для склер. Назад дороги не было. Лика смотрела на шприц, на тонкую иглу, на чёрную жидкость внутри, и чувствовала, как внутри неё поднимается волна страха и восторга одновременно, как эти два чувства смешиваются в один оглушительный коктейль, который заставлял её сердце биться быстрее, а дыхание становиться прерывистым.

Первые минуты процедуры врезались в память Лики острой, пугающей вспышкой, которую она запомнит навсегда. Инъекция пигмента в склеры прошла на удивление быстро — всего несколько точных, выверенных движений Киры, ощущение распирающего тепла под веками, и привычный мир вокруг Лики навсегда окрасился в густой, беспросветный черный цвет. Как она и просила, глаза закрылись до самого конца работы, до самого финала. Она чувствовала, как пигмент заполняет пространство под конъюнктивой, как он растекается по склерам, оставляя за собой абсолютную черноту, которая больше никогда не исчезнет.

Кира работала сосредоточенно, не отвлекаясь, и Лика слышала только её ровное дыхание, которое успокаивало и давало чувство безопасности. Глаза горели, но не сильно — скорее странное, непривычное ощущение инородного тела, которое уже стало частью её, вросло в неё, как будто всегда там было. Она чувствовала, как меняется её взгляд, даже не видя его, как мир вокруг неё становится другим, даже без открытых глаз.

— Всё, — сказала Кира через несколько минут, откладывая шприц в специальный контейнер для отходов. — Глаза готовы. Зрение не пострадало, ты видишь так же хорошо, как и раньше. Просто теперь твои глаза — это бездна.

Лика не открывала их — она помнила своё условие. Она хотела увидеть результат только в самом конце. Но она чувствовала, что её взгляд, если бы она его открыла, был бы другим. Бездонным. Пугающим. Совершенным. Она чувствовала, как меняется мир вокруг неё, даже не видя его, как будто она уже смотрит на него другими глазами.

А затем началась бесконечность.

Работа над головой, лицом и шеей заняла долгие, изнурительные десять часов. Звук тату-машинки превратился в сплошной, сводящий с ума гул, который вибрировал прямо в черепе, в каждой косточке, в каждом позвонке. Иглы сантиметр за сантиметром, миллиметр за миллиметром вбивали краску в нежную, ещё не привыкшую к такой нагрузке кожу. Местами боль становилась невыносимой, обжигающей, почти нечеловеческой, особенно на веках, за ушами, в районе подбородка и на шее, где орнамент переходил от лица к телу, создавая единую, неделимую композицию.

Первый удар машинки пришёлся на лоб, и Лика вздрогнула всем телом, как от удара током. Резкая, короткая боль, похожая на укус осы или на укол раскалённой иглой, прошла по коже, оставляя за собой след, который никогда не исчезнет. Кира работала методично, медленно, создавая сложный геометрический узор, который начинался от центра лба и расходился к вискам, как крылья бабочки. Каждая линия была идеально ровной, каждый переход — безупречным, каждая точка — на своём месте. Кира была не просто мастером — она была художником, скульптором, творцом, и её инструментом была игла, а холстом — живая кожа.

— Я буду делать маску, — говорила Кира, не отрываясь от работы, не замедляя темпа, не позволяя себе ни на секунду отвлечься. Она говорила негромко, но её голос звучал как музыка, как колыбельная, как успокаивающий шум прибоя. — Индийская маска — это не просто рисунок. Это символ. Каждая линия что-то означает. Защита, сила, мудрость, преодоление, перерождение. Ты станешь не просто девушкой с татуировкой. Ты станешь воплощением этих качеств. Ты станешь живым символом.

Лица сжимала кулаки так, что ногти врезались в ладони, оставляя на коже полумесяцы, но не издала ни звука. Она научилась молчать за эти годы — молчать, когда хотелось кричать, молчать, когда хотелось плакать, молчать, когда хотелось разбить всё вокруг. Теперь это умение пригодилось ей больше, чем когда-либо. С каждым ударом иглы она чувствовала, как стирается её прошлое, как исчезает та девочка, которой она была. Отличница, послушная дочь, правильная девочка — всё это растворялось в цветных и черных пигментах, смешиваясь с кровью и сукровицей. Она чувствовала, как каждое прикосновение иглы стирает ещё один слой её старой жизни, освобождая её для новой.

Время шло медленно, почти остановилось, растянулось как резина. Лица потеряла счёт минутам и часам, они слились в один бесконечный, тягучий поток. Она слышала только жужжание машинки, чувствовала только кожу, которая горела и пульсировала под иглами. Иногда Кира останавливалась, чтобы промокнуть кровь и сукровицу стерильными салфетками, и Лица чувствовала, как холодный, пахнущий ментолом вазелин ложится на воспалённую кожу, принося короткое, почти мгновенное облегчение. Эти паузы становились островками покоя в бесконечном океане боли, и она научилась ценить эти мгновения, когда боль отступала, и она могла просто дышать.

Боль была разной. На лбу — острая, резкая, но терпимая, как укусы комаров. На скулах — глубокая, почти вибрирующая, как будто игла касалась самой кости. На веках — самая сильная, почти невыносимая, такая, что хотелось кричать. Когда Кира начала забивать веки, Лица чуть не заплакала от боли. Каждый удар отдавался в голове, в висках, в затылке, и ей казалось, что она слышит, как игла касается кости, как скребёт по черепу. Но она не останавливалась. Она не сказала «стоп». Она просто сжала зубы до скрежета и ждала, пока эта попытка закончится. Она повторяла себе, как мантру, как заклинание: «Это моя новая жизнь. Это моя новая жизнь. Это моя новая жизнь». Она представляла, как будет смотреть на себя в зеркало, как будет видеть своё новое лицо, и это помогало ей терпеть, это давало ей силы.

— Ты невероятная, — сказала Кира, когда закончила с веками и перешла к губам. В её голосе слышалась искренняя, неподдельная гордость. — Я делала татуировки сотням людей. Мужчины плакали на этом этапе. Взрослые, здоровые мужчины просили остановиться. А ты молчишь. Ты — уникальная. Ты — именно то, что я искала.

Лица хотела ответить, но не могла. Губы горели огнём, и каждое движение, даже малейшее, давалось с трудом. Она чувствовала, как игла касается её верхней губы, оставляя за собой угольную черноту, которая навсегда изменит её лицо. Когда Кира закончила с губами, Лица почувствовала, что её лицо стало другим. Она не видела этого, но знала. Она чувствовала, как изменились очертания, как краска легла на кожу, создавая новый рисунок, новую реальность.

Шея оказалась почти такой же болезненной, как веки. Кожа там была тонкой, нежной, почти прозрачной, и каждый удар иглы отдавался где-то в ключицах, заставляя Лику сжимать зубы до скрежета, до боли в челюсти. Но она терпела. Она смотрела в потолок, на чёрные лампы, которые освещали её лицо, и думала о том, что через несколько часов она станет другой. Навсегда. Она станет той, кого нельзя будет вернуть в рамки, определить, ограничить, оценить. Она станет той, кто сама выбирает свою судьбу.

— Мы почти закончили с лицом, — сказала Кира, вытирая лоб тыльной стороной ладони. — Осталась голова. Самое сложное. Но ты справишься. Я знаю.

Когда Кира закончила с шеей, она перешла к голове. Это был самый болезненный этап из всех. Кожа на черепе была тонкой, почти лишённой жировой прослойки, и каждый удар иглы отдавался в кости, заставляя Лику вздрагивать и сжимать кулаки. Но она держалась. Она думала о том, как будет смотреть на себя в зеркало, когда всё закончится. Она думала о том, как станет уникальной. Она думала о том, как будет свободной. И это помогало ей терпеть, это давало ей силу продолжать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.